

ОТЗЫВ

официального оппонента

кандидата филологических наук Михайловой Татьяны Владимировны
о диссертации Нижник Анны Валерьевны

«Русский модернизм 1920-30-х годов (Г. Газданов, В. Набоков, О.
Мандельштам): рецепция художественных открытий М. Пруста»,

представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература –
в диссертационном совете Д.501.001.32

при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова

Диссертационное исследование А.В. Нижник посвящено феномену межлитературных взаимодействий в 1920-е – 1930-е гг. Изучение русско-французских литературных связей – тема далеко не новая, и само это явление возникло значительно раньше указанного периода, однако в XX веке обращение к иноязычным культурам мотивировалось для русских писателей иными, чем прежде, потребностями. Со второй половины 1910-х гг., когда Европа переживает череду социальных потрясений, в художественной прозе начинают проблематизироваться концепты «национального» и «инонационального».

Вот почему анализ конкретных путей взаимодействия русского и французского модернизма – не просто вопрос восстановления круга чтения русских авторов или поиска стилевых заимствований, а проблема, связанная с уточнением концептуальных основ модернистской культуры, в которой статус цитаты и «чужого слова» изменился по сравнению с предыдущими эпохами. Чтобы полнее раскрыть эту проблему, нужно учитывать специфику историко-культурной ситуации, творческую индивидуальность каждого автора и фундаментальные особенности субъектной организации модернистской прозы.

Начиная с рубежа веков модернизм стал определяющим литературным направлением. Одним из главных вопросов, волновавших модернистов, был вопрос о выработке новых форм выразительности. По мнению многих представителей «новых течений», художественную прозу могло обогатить заимствование приемов смежных искусств. Расширение «художественной впечатлительности» при помощи стилевых ресурсов живописи, музыки и архитектуры позволило бы нарисовать общую «карту сознания» человека XX века, проникнуть в мир его субъективных переживаний. А.В. Нижник, опираясь на масштабную биографию Пруста, написанную Ж.-И. Тадье, и диссертационное исследование С. Горбовской («Проблема синтеза искусств в

романе М. Пруста»), утверждает, что романский цикл «В поисках утраченного времени» может рассматриваться как проект создания «синтетического романа», в котором разные виды искусства были бы представлены своими литературными стилевыми аналогами. Подобный проект не мог не заинтересовать русских писателей-модернистов, оказавшихся в 20-е гг. в ситуации своеобразного культурного вакуума: авторитет классической традиции был поколеблен общественно-политическими потрясениями эпохи, а новые ориентиры нужно было еще нащупать.

В этой ситуации проза Марселя Пруста, достигшая пика популярности как раз к середине 1920-х гг., воспринималась как образец современных литературных веяний. И хотя существует немало работ о самом Прусте и о его воздействии на мировую литературу, А.В. Нижник ставит вопрос о конкретных путях его художественной рецепции русской литературой.

В этой связи нужно упомянуть работу Х. Блума «Страх влияния». Литературное влияние и попытки избавиться от него названы в ней главным двигателем художественной эволюции. Логика диссертации, как мне кажется, сложилась под влиянием теории Блума (на которую автор ссылается), но отчасти и продиктована «страхом этого влияния»: в работе ошутим поиск иных методологических оснований, чем те, что выдвинуты американским теоретиком. Предметом изучения послужили стилевые поиски русских эмигрантов младшего поколения и творчество «внутреннего эмигранта» О. Мандельштама, укорененное в культуре русского Серебряного века, с его очевидными «экуменическими» художественными устремлениями («тоской по мировой культуре», по мандельштамовскому выражению).

Новизна диссертации обусловлена не только выбором для анализа не самых исследованных произведений (так, проанализирована эссеистика О. Мандельштама, роман Набокова «Камера обскура», малая проза Г. Газданова), но и интермедиальным подходом, подразумевающим изучение «вкраплений» в прозу приемов других искусств – музыки, живописи, архитектуры. Как было сказано выше, другие искусства становятся для литературы начала XX века источником, из которого можно черпать новые приемы, краски, метафоры.

Принцип «искусства как приема» был актуален и для русских авторов, чье творчество рассмотрено в диссертации. В российском литературоведении не так много работ, в которых подробный анализ зарубежных влияний совмещался бы с теоретическими размышлениями о структуре русской модернистской прозы вообще, учитывающими к тому же историю искусства эпохи в целом.

Первая глава диссертации посвящена теоретическому обобщению тенденций развития русского и европейского модернизма. Подготавливая разговор о влиянии Пруста на творчество русских писателей, А.В. Нижник выстраивает «генеалогию» прустовского стиля – начиная с открытий французских символистов, оказавших большое влияние на становление раннего русского символизма. Автор стремится показать, что новаторские стилевые решения модернистов 1920-х – 1930-х гг. – это новый виток развития тенденций, сформировавшихся в рамках искусства рубежа веков, только углубленных и усиленных. На мой взгляд, однако, именно этой части работы не хватает полноты анализа и широты охвата материала. Впрочем, история развития символизма, как и генезис поэтики Пруста не являются темой данного исследования.

Гораздо лучше А.В. Нижник удается анализ русской рецепции французского автора. Несмотря на то, что «прустианство» декларировалось как новаторство, литературная репутация Пруста в советской и эмигрантской критике зависела от принятия или неприятия «старой», дореволюционной художественной практики. Другое важное наблюдение, сделанное автором диссертации, заключается в специфике формирования различных вариантов биографического мифа о Прусте, которые возникли благодаря тому, что еще весьма влиятельны были концептуальные традиции символистского «жизнетворчества». С другой стороны, именно субъективность повествования «Поисков» приглашала к интерпретации романного цикла как биографического произведения. Таким образом, влияние Пруста объясняется не только исторической ситуацией, но и «памятью жанра», который обновлялся усилиями французского модерниста.

Эти историко-литературные и теоретические уточнения позволяют взглянуть на проблему рецепции западной литературы с новых позиций. Вместо привычной схемы воздействия более «передовых» литературных тенденций на «ведомую» ими русскую литературу рисуется разветвленная система генетико-типологических схождений, которая позволяет представить общеевропейский модернизм с учетом его самобытной «русской составляющей». В этом состоит методологическая ценность работы.

Отдельно – во **второй** главе исследования – предлагается анализ биографического мифа о Прусте и рецепции его стилевых находок в литературе русского зарубежья. На высоком уровне выполнен в работе анализ творчества Г. Газданова. А.В. Нижник выделяет музыку как особо значимую для Газданова стихию. Функцию музыкального лейтмотива в его творчестве может выполнять не только прямое указание на звуковые эффекты, но и звучащая речь: например, подмечено, что французский язык

героини в романе «Вечер у Клэр» маркирует определенные эпизоды и позволяет «закольцевать» время романа (время парижской эмиграции) воспоминаниями повествователя о России.

Третья глава посвящена творчеству В. Набокова. Сложное отношение Набокова к французскому автору анализируется в контексте его ранних и поздних интервью, где он последовательно встраивает свой собственный образ в иерархию мировых литературных авторитетов. Однако, отмечает автор исследования, гораздо большую ценность для Набокова представлял не сам Пруст как «учитель» или, напротив, антагонист, а как автор с близкими художественными предпочтениями, чьи приемы сами по себе стали предметом литературной игры.

Так, в романе «Камера обскура» А.В. Нижник находит двойной план повествования (живописный и литературный), который отсылает к аналогичному приему в произведениях Пруста. Упоминание Пруста и появление в сюжете его подражателя (образ писателя Зегелькранца, «знававшего лично покойного Марселя Пруста») позволяет А.В. Нижник сделать вывод о том, что таким образом Набоков намекает не столько на тему «литературной живописи», сколько на тему «литературной карикатуры» (учитывая, что один из героев «Камеры обскуры» — карикатурист Горн). К сожалению, в работе никак не упомянуто искусство кино, столь значимое для сюжета романа, не прокомментированы смысловые модуляции темы «утраченного времени», которые открываются благодаря его появлению. Тем не менее эта глава содержит много ценных выводов и наблюдений.

В **четвертой** главе с точки зрения «двойного плана» искусств анализируются архитектурные лейтмотивы в творчестве Пруста и Мандельштама. Нужно отметить, что речь в данном случае идет не о прямом воздействии, а о сближении на основе общих интересов и общей эстетической базы. Хотя автор допускает возможность влияния, так как увлечение Мандельштама французской готикой началось спустя десятилетие после того, как Пруст написал серию эссе о французских готических церквях. Как предполагает А.В. Нижник, «физиология готики», о которой Мандельштам пишет в эссе «Франсуа Виллон» и которая выразилась в метафоре «играет мышцами крестовый легкий свод», появилась в русской культуре благодаря переводным работам главного теоретика готики Джона Рёскина, определившего и прустовское восприятие искусства архитектуры.

Другая «общая страсть» Пруста и Мандельштама – французские импрессионисты, чьи работы оба автора пытались «перенести» на литературную почву. Примечательно, что особенность такого переноса – особое внимание не к предмету, изображенному на картинах, а к самому

импрессионистическому методу, что говорит об общности исканий самых разных модернистов эпохи.

В целом работа А.В. Нижник привлекает достаточно широким кругозором автора и выверенностью параллелей между Прустом и его русскими последователями. Тем не менее, диссертация провоцирует на дискуссию, а ряд ее положений потребует, вероятно, некоторых уточнений. Так, недостаточно аргументированы выбранные исследовательские стратегии: почему для анализа аналогий между творчеством Пруста и Газданова выбрана музыка, в случае Набокова – живопись, а Мандельштам представлен как «архитектор»? Другой вопрос, возникающий при чтении работы: можно ли доверять взаимным характеристикам литературных критиков и писателей, существовавших в условиях эмиграции – в среде с повышенным «градусом» конкурентной борьбы, переходившей порой в конфронтацию (например, между Г. Ивановым и В. Набоковым)? Ведь часто те или иные аналогии с творчеством Пруста использовались, чтобы уязвить соперника, а не сделать объективное наблюдение.

Высказанные пожелания не влияют на итоговую оценку работы. Основные идеи диссертации апробированы на нескольких научных конференциях и достаточно полно отражены в публикациях. Автореферат и публикации вполне адекватно отражают содержание диссертации.

Диссертационное исследование А.В. Нижник представляет собой серьезное научное достижение и вполне соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842) в отношении кандидатских диссертаций по филологическим наукам. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «русская литература».

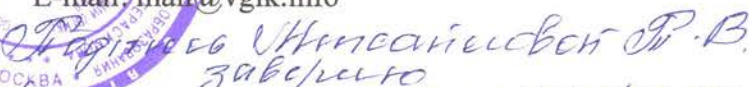
Доцент кафедры эстетики, истории и теории литературы
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С.А. Герасимова»,
кандидат филологических наук

 Михайлова Т.В.

25.11.16.

Адрес ВУЗа: 129226 Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3
Телефон: 8(499)181-13-14
E-mail: mail@vgik.info

заведующий кафедрой
теор. эстетики и теории литературы
Т.В. Михайлова

Сведения об официальном оппоненте:

Михайлова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук.

Доцент кафедры эстетики, истории и теории культуры ВГИК им. С.А.Герасимова (129226 Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3).

Телефон: 8 916 434 59 37. E-mail: t-mikhailova@mail.ru

Список основных публикаций оппонента по теме диссертации:

Между Верленом и Малларме (В.Брюсов в поиске путей символизма) // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики). Гродно, 1997. Часть 1. С. 215—220.

От «Офелии» к «Пьяному кораблю» (к вопросу о формировании поэтики Артюра Рембо в 1870—1871 годах). // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 2000. № 1. С. 122—130.

Брюсов в 1890-е годы: от французской теории символизма к русской поэтической практике // Искусство vs литература: Франция – Россия – Германия на рубеже XIX—XX веков: Сб. докладов конференции. М., 2006. С. 263—278.

Чудо экранизации. Сборник статей. М.: ВГИК, 2015.

Собачий лай и токарный станок («Лолита» В.Набокова в экранизации Э.Лайна) // Эстетика звука на экране и в книге. М.: 2016. С. 176—192